

За гранью реальности

> К 125-летию со дня рождения русского поэта Николая Гумилева

ОТРЫВОК ИЗ ГАЗЕТЫ «Биржевые ведомости» от 31 мая 1916 года:

«Сегодня, когда вся Россия еще пребывает в приятном волнении по поводу возвращения Царьграда, наша газета спешит порадовать читателей новым творением кавалера двух Георгиевских крестов, прапорщика 5-го Гусарского Александровского полка Николая Гумилева. Его небольшая зарисовка посвящена событию, которого наш народ ожидал без малого пять веков...»

Стоп! Ведь ничего этого не было! Первая мировая война разворачивалась для России неудачно, и захватить турецкий Константинополь – нынешний Стамбул – не удалось ни русским, ни англичанам, ни французам. Мечеть Айя-София так и не была вновь переделана в православный храм святой Софии, и поэт Николай Гумилев не мог написать по этому поводу ни строчки.

Но представим себе, что нам удалось ненадолго заглянуть

в тот мир, где история пошла совсем другим путем: вместо Николая II на престоле его брат Михаил, вместо череды военных поражений и отступлений ряд блестящих побед. Не случилось ни революции, ни «таганцевского дела», по которому в 1921 году арестовали Гумилева, ни казни поэта. В том мире судьба Николая Степановича могла сложиться по-разному, но несомненно одно – он все так же писал бы прекрасные стихи и до августа 21-го, и после него, хотя многие из них наши литературоведы так никогда бы и увидели. А жаль.

Впрочем, как известно, иногда и невозможное бывает возможным. Допустим – не хочу говорить наверняка, но допустить-то можно многое – мне удалось одним глазком заглянуть за грань нашей реальности и пролистать пару сборников стихов того – «не нашего» – Гумилева. Пусть это было и недолго, но кое-что мне удалось запомнить...

РЕНАРТ ФАХСУТДИНОВ

Константинополь

«Все, что угодно, случиться может,
Каждому внятно: велик Аллах!
Вена в руинах, победы множат
Гордый кроат и хмельной валах.

Все, что угодно, – от перестрелки
В польских болотах
до взрыва мин.
И все длиннее кривые стрелки
Армий, шагающих на Берлин.

То ли Версаль будет первым, то ли
Гений Таврического дворца...
Все происходит, согласно воле
Всепонимающего Творца.

Сила Всевышнего – наша сила...
Все, что угодно, но только не
Въезд императора Михаила
В павший Стамбул
на гнедом коне.

Все, что угодно, о, что угодно,
Только не это!» – твердил султан.
Плавил окно белизной холодной
Лунный мерцающий ятаган.

Купол Софии, огнем оборот,
– Чудо! – казалось, возрос стократ
В ночь, когда пал
мусульманский город
И воссиял православный град.

Предчувствие

Под душным ковром
африканской ночи,
В далекой чужой стране
Мы чистим винтовки,
кинжалы точим,
Здесь пули и сталь в цене.

Наполнены флаги,
просушен порох,
Как в каждую из ночей.
Мы жители Севера, для которых
Не может быть мелочей.

Ведь все уже поняли,
почему так
Тревожен притихший лес,
Где мы продвигаемся трое суток
Закату наперерез...

Мы, ожесточенно вращая компас,
К великой рвались реке –

Двенадцатый русский
военный корпус
На Черном материке.

Заранее веря своим победам,
Мы видели цель вдали.
Но черные тени за нами следом
Три дня неотступно шли.

А завтра, влетая в свои проклятья
Славянские имена,
Войну нам объявят лесные братья –
Окрестные племена.

И я ожидаю рассвета, зная, –
Ты видишь меня, Господь! –
Что рана мучительная, сквозная
Мою истерзает плоть...

А тени все множатся, все пророчат
Грядущую гибель мне
Под душным ковром
африканской ночи,
В далекой чужой стране.

Август

Сон обернулся какой-то бездной,
Падаю, падаю – и вдруг
Слышу я грохот двери железной,
Самый жестокий в мире звук.

Весть принимая о скорой казни,
Не отворачиваю лица.
Может ли быть что-нибудь
прекрасней
Песни летящего свинца?

Славе навстречу, а не позору,
Едкой усмешкой врага клеймя,
Молча шагаю по коридору,
Сопровождаемый тремя.

Что будет дальше, давно известно,
Бешено мчится в жилах кровь.
Выстрел – и в ту же пустую бездну
Я опрокидываюсь вновь...

Знаю, все знаю, мой друг Гораций,
Эта история – лишь сон,
Это лишь серия декораций,
Калейдоскоп ночных персон.

И обретая к утру свободу,
Я говорю себе: «Забудь!»
Двигается солнце по небосводу,
Длится пока еще мой путь.

Но отголоском другого мира,
Где совершился страшный суд,
Три безмянных конвоира
Ночью опять за мной придут...

Дорога

Вот судьба моя –
лента странствий
От Кронштадта до Сомали.
Я блуждаю один в пространстве
И не вижу своей земли.

Золотые края Колхиды
– Ах, читатель, не осуди, –
На меня возлагали виды,
Но по-прежнему я в пути.

В утонченном раю Парижа
От поэзии и вина
Я пьянею, но знаю, вижу,
Что дорога еще длинна.

Дальше, дальше... Александрия,
Дамьетта, Каир, Харрар...
Ощущаю огонь внутри я,
Не дающий покоя жар.

Все не то – города и горы,
Гибралтар, Африканский Рог.
Это призрачные узоры
В паутине моих дорог.

В мире странствуя без опаски
Тридцать девять безумных лет,
Я свободно меняю маски:
Путешественник и поэт,

Казанова, глава охраны,
Ясновидец и чародей...
Я беспечен, но бдит Архангел,
Отводя череду смертей.

Значит, путь мой не бесполезен,
Значит, правильно я иду,
Значит, в сонме стихов и песен
Я поэму свою найду.

Значит, скоро в краю суровом
Я на деле, а не в бреду
Обуздаю пространство словом
И страну свою обрету.

Минувшее

В ночь, когда Люцифер
зажигает звезду мою,
А луна отливает кровью,

Я листаю старинную книгу
и думаю
О забытом средневековье.

Время Жилия де Реца,
Лойолы и Борджия,
Но еще и певца Лауры...
И гляжу неотрывно до боли,
до дрожи я
На цветные миниатюры.

Проплывают соборы
с крестами и совами,
Спорят рыцари и монахи.
Так смешно и не страшно
совсем нарисованы
Эти виселицы и плахи.

Размышляя об этой эпохе
неистойвой,
Я спокоен, мой князь рогатый.
Ночь пройдет незаметно –
читай, перелистывай
Имена, города и даты...

А луна замирает над миром
в прострации
Оком сказочного гиганта,
Для которого я –
персонаж иллюстрации
Из неизвестного фолианта.

Ночлег

Высоко небеса, но низко
Наклоняются надо мной
Ветви темного тамариска,
Обнаруженного луной.

Не смолкает ночная пьеса,
Я сижу – карабин в руке.
Что я делаю в сердце леса
На пропащем материке?

Вижу больше и слышу дальше,
Разве можно теперь заснуть?
Ах, бродячий философ, дай же
Мне хоть раз на тебя взглянуть!

Знаю, стала бы ночь светлее
И взошла бы моя звезда,
Если б только из Галилеи
Вечный путник забрел сюда.

К Люциферу – кресты и нимбы!
Мой Христос – не бесплотный Бог.
Я любую пустыню с ним бы
Пересечь без опаски мог.

И среди первобытной чащи
Я спокоен за свой ночлег,
Ведь со мною рядом неспящий
Полубог, получеловек...

Эльдорадо

Мы в дороге месяц,
но путь запутан:
Лабиринтов таких не знали
в Эмаде.

Этот лес бесконечен,
трижды будь он
Неладен!

В изумрудном сумраке
мы блуждаем,
Не надеясь почти на исход
счастливым.

А повсюду шепот:
«Мы вас не ждали.
Хэй, чьи вы?»

Голосам безвестным
ничуть не верим –
Все, что надо видеть,
мы знаем и сами.

Мы идем,
а нас провожают звери
Глазами.

Поминутно с лица стираю кровь я.
Мы еще не погибли и не истлели,
Хоть шипы и сучья острей,
чем колья

И стрелы.

Прорубая просеку
в царстве страшном
Небывалых деревьев
и трав цветущих,
Мы бредем устало,
а лес – чем дальше,
Тем гуще.

Перевязаны раны
гнилой одеждой,
Но плевать на смерть,
что шагает за нами,
Ведь мираж проклятый
сияет между
Стволами.

Мы почти добрались –
ты видишь, брат мой! –
До горящих золотом стен и башен.
Мы достигли цели, а путь обратно
Неважен.